

PINDEHA SILVAEN

Холодный вечер
на закате

Pindeha Silvaen

Холодный вечер на закате

«Автор»

2026

Silvaen P.

Холодный вечер на закате / P. Silvaen — «Автор», 2026

В мире, где ночь смертельно опасна, Марибет нарушает закон — выходит на улицу после заката. Её бегство запускает цепь трагических событий: спасаясь, она невольно становится причиной гибели сострадавшей ей пожилой пары. Девушка бежит за город и находит убежище у таинственного отшельника. Между ними рождается доверие, но смогут ли они сохранить человечность в мире, где сострадание — слабость? «Холодный вечер на закате» — антиутопия о свободе, вине и надежде.

© Silvaen P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Холодный вечер на закате	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Pindeha Silvaen

Холодный вечер на закате

Холодный вечер на закате

Город, окутанный тяжёлой, непроницаемой тьмой, жил по жестоким, незыблемым законам. Здесь ночью запрещалось не только включать свет — будто само сияние могло нарушить мрачный порядок вещей, — но и бодрствовать, и уж тем более осмелиться показаться на пустынных улицах, где каждая тень таила угрозу. Но в эту роковую ночь что-то пошло не так... нечто нарушило хрупкое равновесие страха и подчинения.

Один житель этого города, словно бросая вызов самой судьбе, нарушил незыблемые правила. Дрожащими руками распахнув скрипучую дверь, девушка шагнула в холодную, безжалостную ночь. Мощёные улицы встретили её зловещей тишиной, нарушаемой лишь редким шелестом ветра, который, казалось, нашепывал предостережения.

И словно по дьявольскому сценарию, она была мгновенно замечена хранителями правопорядка — безликими стражами, чьи фигуры скользили в темноте, как тени прошлого. Их глаза светились холодным, нечеловеческим блеском, а движения были точны и смертоносны, как у хищников, почуявших добычу. Сердце девушки замерло, а кровь застыла в жилах — пути к отступлению не было.

Девушке ничего не оставалось, как броситься в отчаянный бег, петляя между домами, словно загнанному зверю. Дыхание вырывалось из груди короткими, рваными всхлипами, а каждый шаг отдавался в ушах глухим эхом, будто сама ночь смеялась над её тщетными попытками скрыться.

В последней надежде спастись она ворвалась в скромную квартиру бедных стариков — ветхую лачужку, где время будто остановилось. Деревянная дверь захлопнулась за ней с глухим, обречённым стуком, отсекая погоню, как лезвие отрубает нить судьбы. Дрожа всем телом, девушка обратилась к старикам с мольбой о помощи — укрыть её, спрятать от безжалостных стражей, дарующих лишь смерть.

Старики, несмотря на смертельный страх, проявили удивительное милосердие. Их морщинистые руки протянулись к ней в жесте древней, нерушимой доброты, а глаза, полные сострадания, светились в полумраке, как два угасающих огонька. Сердечно согласившись укрыть беглянку, они рисковали всем — своей жизнью, своим покоем, своей последней надеждой на безопасность.

Двое стариков, сгорбившись, улеглись на узкой, скрипучей кровати, освободив девушке место посередине — словно жертвенник, на котором могла быть принесена цена за спасение. Их дыхание было неровным, прерывистым, а тени на стенах отбрасывали причудливые, почти мистические очертания, будто сама тьма пыталась проникнуть в их убежище.

Они готовились ко сну — но какой это был сон! Сон, пропитанный тревогой, сон, в котором каждый шорох за окном казался стуком приближающейся смерти, сон, где реальность и кошмар переплелись в смертельном танце. Тишина квартиры была напряжённой, звенящей, как натянутая струна, готовая в любой момент лопнуть...

Недолго длилась гнетущая, вязкая тишина, наполненная запахом пыли и старых обоев, словно сама квартира затаила дыхание в ожидании беды. Вдруг в дверь начали стучать — не просто стучать, а барабанить с назойливой, безжалостной ритмичностью, будто удары молота

по натянутым нервам. Стук эхом разносился по комнатам, заставляя тени на стенах корчиться в безумном танце.

Никто не двигался. Все застыли, словно каменные изваяния, изображающие сонное спокойствие. Лица спрятаны под одеялами, дыхание затаено, будто само время остановилось, подчиняясь зловещему ритуалу. Но стук не утихал — он становился всё более настойчивым, словно невидимая сила пыталась пробиться сквозь преграду, разрушить хрупкую иллюзию сна.

Дед, сгорбившись, как древняя статуя, решился попытать удачу — сделать шаг к двери, навстречу хранителям порядка. Его старческие колени дрожали, а пальцы судорожно сжимались, будто пытаясь удержать остатки надежды. Но прежде чем он успел преодолеть разделяющее его и дверь расстояние, раздался оглушительный треск — дверь, не выдержав натиска, вылетела, словно вырванная ураганом. В проёме возникла зловещая фигура, обрамлённая рваными тенями.

— Так! Почему не спим?! Нарушаем?! — грозно прогремел один из членов правопорядка, его голос, как раскат грома, разорвал вязкую тишину. Лицо, скрытое под тёмным капюшоном, исказилось в холодной усмешке, а глаза, будто угли, прожигали насквозь.

— Что вы, что вы... Я, как прилежный гражданин любимого города, благополучно спал. Вы так стучали — решил проверить. Вдруг чего случилось, — пролепетал дед, словно пытаясь ухватиться за соломинку, его голос дрожал, как лист на ветру.

— Как заливаешь, дедок! Ведь ясно изложен закон: ни при каких обстоятельствах не вставать с кровати с 11 до 7. А сейчас на часах 12:22. Нарушитель! — голос стража прозвучал с ледяной чёткостью, будто приговор, вынесенный без суда и следствия. В его тоне сквозила насмешка, смешанная с презрением.

— Прошу, ребята... Я знаю правила, но вдруг правда, чего случилось... — взмолился дед, его руки бессильно дрожали, а взгляд метался между хранителями, как птица в клетке.

— Правила есть правила. Их либо соблюдают, либо нарушают. А за нарушением идёт наказание. Тащите капсулу! — скомандовал страж, его движения были точны и безжалостны, как у автомата, лишённого чувств.

— Нет! Не надо капсулы! — крик деда разорвал напряжённую тишину, как выстрел, наполнив комнату отчаянием.

— Может, пощадим деда? Он же всё-таки не вышел из дома, — заговорил, упрасывая, один из команды, его голос звучал мягче, будто пробиваясь сквозь ледяную броню товарищей. В его глазах мелькнула тень сомнения, словно он на мгновение стал человеком, а не бездушным исполнителем закона.

— Нет, он же впустил нас. Мог этого не делать и остаться со своей семьёй. Кстати, о семье. К вам никто не приходил до нас? Пока можешь говорить, — голос главного стража стал ещё холоднее, будто сама смерть заговорила, его слова резали, как острый клинок.

— Нет, что вы. Никто не приходил к нам, ребята. Только моя жена и внучка дома. Прошу, молодые, пощадите старого. Как же мои без меня справятся? — голос деда дрожал, как осенний лист на ветру, а в глазах плескалась безнадёжность, словно он уже видел свою судьбу.

— Надо было раньше думать. Тащите его, — прозвучал безжалостный приговор, и тени в углу комнаты, казалось, ожили, готовясь исполнить приказ. Атмосфера сгустилась до предела, воздух стал тяжёлым, как свинец, а время, казалось, остановилось в ожидании роковой развязки.

Подчинённые командира с холодной жестокостью заломили руки деда, словно клешни механического устройства, и потащили его к капсуле — зловещему металлическому ящику, поблёскивающему в тусклом свете, будто ухмыляющемуся монстру. Пожилой мужчина, обессиленный и дрожащий, выкрикивал жалобные фразы, цепляясь взглядом за каждый угол комнаты, словно пытаясь запомнить дом, который покидал навсегда. Его голос, хриплый и надломленный, метался по помещению, как птица в клетке, но его никто не слушал — равнодушные

лица подчинённых оставались каменными, а шаги тяжёлыми и методичными, будто они исполняли заученный ритуал.

Бедного старика, словно ненужный груз, погрузили в капсулу. Металл сомкнулся вокруг его тела с леденящим скрежетом, будто захлопнулись челюсти хищника. В последний миг, перед тем как тьма окончательно поглотила его, дед сумел выкрикнуть — с надрывом, с мукой, с бесконечной любовью: «Как сильно я люблю свою семью!» Его голос эхом отразился от холодных стен, но растворился в безжалостной тишине.

Капсула закрылась с глухим, окончательным щелчком — звук, похожий на стук похоронного молотка. Механизмы заработали с монотонной, пугающей точностью: воздух начал откачиваться, создавая вакуум — ледяной, безжалостный, неотвратимый. Внутри капсулы время будто остановилось, а пространство сжалось до удушающей тесноты.

Такая некая тюрьма... Пожизненная. Холодная, безмолвная, лишённая надежды. Место, где время течёт иначе — медленно, мучительно, бесконечно. Место, где жизнь замирает, но не уходит до конца, превращаясь в вечную агонию ожидания. Место, где последний крик любви растворяется в беззвучной пустоте, а сердце бьётся в такт с тиканьем безжалостных механизмов, отсчитывающих вечность.

Бабушка, сгорбившись под тяжестью невысказанной боли, тихо плакала в кровати. Её плечи вздрагивали едва заметно, а слёзы, словно хрустальные нити, стекали по морщинистым щекам, оставляя на коже влажные дорожки. В полумраке комнаты её силуэт казался хрупким, почти прозрачным — будто душа уже начала отделяться от тела, предчувствуя неминуемую разлуку.

Рядом, съежившись под тонким одеялом, девушка искренне извинялась за содеянное. Её голос дрожал, слова путались, а в глазах стояли слёзы — не только от страха, но и от жгучего стыда. Она понимала: именно её появление перевернуло устоявшийся мир стариков, принесло в их дом беду и отчаяние.

В этот момент к кровати подошёл командир — высокий, прямой, словно высеченный из чёрного камня. Его фигура отбрасывала длинную, зловещую тень, которая, казалось, накрыла всю комнату, поглощая последние проблески надежды.

— Впредь будьте аккуратней. И если вам известно об этой юной леди, сообщите по утрам. Всего хорошего, — произнёс он ровным, безэмоциональным голосом, в котором не было ни капли сочувствия. Каждое слово звучало как холодный приговор, высеченный на гранитной плите.

Мужчина оставил на прикроватном столике объявление о розыске с фото некой Марибет Чарльз. Фотография, яркая и чёткая, резко контрастировала с тусклым светом комнаты. На ней была изображена девушка с живыми, искрящимися глазами — совсем не похожая на ту, что сейчас лежала, сжавшись в комок, на кровати.

Командир уже собирался выйти из дома пожилых, но его остановила бабушка. Её голос, обычно тихий и мягкий, вдруг зазвучал с неожиданной силой — хрипло, надрывно, как последний крик раненого зверя:

— Заберите и меня! Я не смогу жить без своего деда!

— Старая, угомонись. И ложись в кровать. По-хорошему говорю, — отрезал командир, даже не повернув головы. Его слова, резкие и беспощадные, повисли в воздухе, как лезвие гильотины.

Но женщина не хотела подчиняться. Её сердце, измученное годами и болью, отказывалось принять реальность. Она уже не видела жизни без своего старика — без его тёплых рук, без его тихого смеха, без их общих воспоминаний, которые они бережно хранили, словно драгоценные реликвии.

И тогда она решилась на отчаянное действие. С неожиданной для её лет прытью бабушка вскочила с кровати, отбросив одеяло, как ненужную преграду. Не обращая внимания на холод,

на дрожь в коленях, она выбежала на улицу — в ночь, которую всегда боялась, которую никогда в своей жизни не видела вблизи.

Это была ночь, полная тайн и угроз. Улицы, обычно тихие и безжизненные, теперь казались живыми — они дышали, шептались, подстерегали. Лунный свет, пробивавшийся сквозь рваные облака, выхватывал из темноты острые углы зданий, превращая их в зловещие силуэты. Ветер, холодный и пронзительный, хлестал по лицу, будто пытаясь остановить её, но она шла вперёд, не чувствуя ни холода, ни страха.

Да, если бы не приход Марибет, старики дожили бы до своей естественной смерти — тихой, спокойной, в окружении родных стен. Но такова судьба: она приходит без предупреждения, переворачивает всё вверх дном и оставляет после себя лишь руины былого счастья.

Бабушка шла по улице, её шаги были неуверенными, но твёрдыми. Она знала: где-то там, в темноте, её ждёт дед — её опора, её любовь, её жизнь. И она готова была пройти через любую тьму, чтобы быть рядом с ним.

— Дура старая, — бросил командир сквозь зубы, и в его голосе не было ни тени сочувствия, лишь ледяная отстранённость человека, давно привыкшего к чужой боли.

Через несколько минут бедную бабушку, дрожащую и обессиленную, точно так же погружали в капсулу — холодную, бездушную металлическую тюрьму. В тусклом свете комнаты её фигура казалась ещё более хрупкой, почти призрачной, а седые волосы, растрёпанные и спутанные, падали на плечи, словно последние нити, связывающие её с миром живых.

В этот миг взгляды супругов встретились — и в них отразилась вся бездна их общей судьбы. На лице мужа застыла гримаса ужаса и отчаяния, исказившая привычные черты до неузнаваемости. Его глаза, обычно тёплые и лучистые, теперь были полны безысходной тоски, а губы беззвучно шептали что-то, будто пытались произнести последнее «прости». Каждая морщинка на его лице вдруг стала глубже, словно сама жизнь выгравировала на нём печать неминуемой разлуки.

А на лице жены — удивительное, почти неземное умиротворение. Её заплаканные глаза, ещё влажные от слёз, светились тихим, внутренним светом, словно она уже приняла свою участь и нашла в ней покой. Слёзы, стекавшие по её щекам, не были слезами отчаяния — они казались каплями росы на увядающем цветке, чистыми и безмолвными, как прощальный дар. В её взгляде читалась не покорность судьбе, а глубокая, всепоглощающая любовь — та самая, что сильнее страха, сильнее смерти.

Когда дверь капсулы с глухим, окончательным щелчком сомкнулась за ней, в комнате повисла мёртвая тишина. Лишь далёкий, едва уловимый скрип механизмов да приглушённый стон металла напоминали о том, что где-то там, в холодной пустоте, два сердца, навеки разлучённые, всё ещё бьются в унисон — два осколка одной души, обречённые на вечное молчание.

— Что же будет с внучкой? Она осталась одна... — тихо, с ноткой растерянности в голосе, поинтересовался один из членов команды. Его взгляд скользнул по опустевшей комнате, где ещё витал едва уловимый запах страха и отчаяния.

Командир, не проронив ни слова, вновь переступил порог дома — его шаги, тяжёлые и размеренные, эхом отдавались в пустой тишине. Он намеревался поговорить с внучкой, но... её уже не было. Ни шороха, ни дыхания — лишь холодный сквозняк, пробирающийся сквозь приоткрытое окно, напоминал о поспешном бегстве.

Чарльз успешно ретировалась из дома, пока правоохранители были заняты жестоким, необратимым актом — убийством бедных пожилых. Она скользнула в ночь, словно тень, растворилась в лабиринте улиц, оставив за собой лишь обрывки воспоминаний и невысказанные слова.

— Паршивка! Это была она! Марибет Чарльз! — взорвался командир, его голос, обычно холодный и бесстрастный, дрогнул от ярости. — Она использовала стариков и сбежала!

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим, прерывистым дыханием подчинённых. Они стояли, опутив глаза, боясь встретиться взглядом с разъярённым начальником.

— Я же вам говорил, что не стоит убивать деда! — не выдержал один из команды, его голос дрожал, но в нём звучала отчаянная попытка возразить. — Он мог бы нам помочь...

— Заткнись! — рявкнул командир, и его взгляд, острый как лезвие, пронзил подчинённого насквозь. — Он сам выбрал этот путь. Теперь ищем дальше эту беглянку!

Его слова повисли в воздухе, словно тяжёлые цепи, сковывая всех присутствующих. В глазах командира пылала неукротимая решимость — он не остановится, пока не найдёт Марибет Чарльз. Пока не заставит её заплатить за всё.

Комната, ещё недавно наполненная теплом и жизнью, теперь казалась мёртвой. Пустые кровати, смятые одеяла, брошенные вещи — всё это напоминало о трагедии, разыгравшейся здесь всего несколько минут назад. Ветер, проникающий через разбитое окно, шевелил занавески, словно пытаясь стереть следы произошедшего, но тщетно — память о случившемся навсегда останется в этих стенах.

Девушка бежала — стремительно, почти невесомо, словно тень, скользящая по заснеженному полотну ночи. Её дыхание вырывалось короткими облачками пара, а сердце билось в такт торопливым шагам, отстукивая ритм отчаянного спасения. Она уже была далеко от места происшествия — от той страшной сцены, что навсегда отпечаталась в памяти кровавым пятном.

На улице царил зима — суровая, беспощадная. Морозный воздух резал лёгкие, а снег, глубокий и рыхлый, цеплялся за ботинки, превращая каждый шаг в изнурительную борьбу. Сугробы, словно молчаливые стражи, преграждали путь, заставляя девушку пробираться сквозь них с мучительным упорством. Ветер, пронзительный и злой, хлестал по лицу ледяными прядями, но она упрямо шла вперёд, не позволяя холоду и усталости взять верх.

Она двигалась вдоль окраины города — там, где дома, словно робкие путники, жались друг к другу перед лицом бескрайнего леса. Их окна, тёмные и слепые, казались глазами, наблюдающими за её бегством. В воздухе витал запах дыма и хвои, смешиваясь с металлическим привкусом страха.

Но вдруг её внимание привлекло нечто странное. Между деревьями, по едва заметной тропке, двигался силуэт. Парень — в мешковатой одежде, с огромным рюкзаком за спиной, он шагал неторопливо, будто знал каждый изгиб этой забытой дороги. Его фигура то появлялась, то исчезала среди голых ветвей, словно призрак, манящий в неизвестность.

Мадам замерла, её глаза, острые и внимательные, впились в удаляющуюся фигуру. В голове молнией пронеслось: «Кто он? Куда идёт?» Решение пришло мгновенно — она должна проследить. Слегка пригнувшись, девушка скатилась с заснеженного склона, приземлилась мягко, как кошка, и устремилась к тропке. Её движения были точными, выверенными — ни хруст ветки, ни скрип снега не нарушали тишины. Она шла поодаль от объекта преследования, сливаясь с тенями, становясь частью зимнего безмолвия.

Время тянулось медленно, словно вязкий мёд. Каждый шаг требовал предельной осторожности — снег мог предательски просесть, ветка — хрустнуть под ногой. Но девушка держалась стойко, её взгляд не отрывался от удаляющейся фигуры. Наконец, спустя долгие минуты напряжённого ожидания, парень свернул к заброшенной хижине.

Дом стоял на отшибе, словно забытый всеми. Его стены, покосившиеся от времени, частично ушли под землю, а окна зияли чёрными провалами, будто раны на теле мира. Крыша, покрытая слоем снега, казалась хрупкой, готовой рухнуть под тяжестью веков. Вокруг царил безмолвие, нарушаемое лишь редким скрипом старых досок.

Чарльз притаился за густым кустарником, её глаза внимательно следили за каждым движением незнакомца. Он обошёл хижину, проверил окна, затем достал из рюкзака какой-то инструмент и принялся вскрывать дверь. В этот момент она поняла — есть способ проникнуть

внутри. Но в глубине души шевельнулась тревога, холодная и колючая: «Не погублю ли я очередную ни в чём не виноватую душу?»

Мысли метались, как птицы в клетке, но выбора не было. Девушка глубоко вдохнула морозный воздух, собрала волю в кулак и двинулась вперёд — к тёмному проёму двери, за которой скрывалась неизвестность.

«*Хотя... Он же тоже ночью разгуливает*», — промелькнуло в мыслях девушки, и она, собрав всю свою решимость, смело двинулась пробираться в хибару. Но её попытки остаться незамеченной оказались тщетны: в отличие от парня, который за столько лет приловчился к этим тайным вылазкам, Марибет то и дело спотыкалась, а снег под её ногами предательски хрустел, будто громко оповещая весь мир о её присутствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.